

Проза Ольги Новиковой — совершенно женская. Читать это так же интересно, как жить с чужим лицом по чужим документам. Ольга Новикова — женские глаза читателя, и за это, по крайней мере, мужчины должны быть ей благодарны.

Александр Кабаков

Ольга Новикова

ГЕДОНИСТЫ И СЕРДЕЧНАЯ

Красная книга

Приятно читать про московскую элиту — заграничные командировки, успех и слава, тонкая карьерная игра. И особенно приятно понять в конце, что и там все определяется человеческими достоинствами: преданностью, добротой, умом, умением создать гармонию даже там, где она, казалось бы, невозможна.

Валерий Попов

Ольга Ильинична Новикова

Гедонисты и сердечная

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=591345

Гедонисты и сердечная:
ISBN 978-5-9524-3026-6

Аннотация

Попытка найти чувство в отношениях, изначально предполагавших лишь чувственность, мучительна. Любовный многогранник, выстроенный героиней романа, показывает, что унижающий готов к роли унижаемого, а любовь тяжела для любящего так же, как и для любимого.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	10
Глава 3	15
Глава 4	23
Глава 5	33
Глава 6	36
Глава 7	41
Глава 8	49
Глава 9	56
Глава 10	60
Конец ознакомительного фрагмента.	65

Ольга Новикова

Гедонисты и сердечная

Глава 1

Может быть, ей скучно...

Приметив вдруг новое аппетитное тело и растерянный взгляд, Федор Дубинин сам себе удивился. Притягивает...

И где попалась дамочка? В тихой конторе, с которой он давно сотрудничает...

Сидит напротив визитера и улыбается. Никакой грани, обычно разделяющей незнакомых людей. Только любопытство в посверкивающих зеленых глазах и бесконечная готовность ответить на любые вопросы...

Давненько я не брал в руки шашек...

Порасспросил.

У румяной Марфы есть дочь-старшеклассница, муж в университете профессорствует, тоже экономист. Где-то, кажется, встречал его имя...

В разговоре она распахивается, но только года через полтора после осторожной, неспешной осады согласилась на свидание. Повел в «Киш-миш», что рядом с московской квартирой. Зазвал чаю попить. Напряглась, покраснела, как школьница (ему понравилось), строго повторила: «Только

чаю!» – но зашла. Потом дней десять не звонил – стандартная хитрость терпеливого охотника. Дозрела, и со следующей встречи все пошло как обычно...

Женщина она оказалась порывистая, но обучаемая. Тем более что он ей прямо как-то сказанул: все в тебе хорошо, только вот эти твои клятвы... Резковато получилось, обидно, наверное: видел ведь, что рвутся они из нее сами собой, без какого-либо сознательного расчета.

«Буду любить тебя всю жизнь!.. Теперь я знаю, что такое – любовь!..»

Сразу после... (Хм, а ведь запинаешься, когда про нее мужским словом нужно сказать.) После... ну, скажем, близкого знакомства каждый разговор чем-нибудь этаким заканчивала.

Он в ответ просто молчал – прием известный. Освоил его сам, еще в университете, когда заметил, до чего одинаков этот набор женских слов. Красавицы и не очень, умные и глуповатые, обманщицы и правда привязавшиеся – все проносят одни и те же речи. Будто писанные под копирку.

Чтобы не винить дам за первородный плагиат, Дубинин относился к их журчанию как к неизбежному фону. Искал-то новое, парадоксальное в каждой, которую приближал к себе. Осваивал и женскую логику...

Правда, Марфа несколько раз задела что-то там в самом его нутре – истово вклинив свое «люблю» в ровный разговор.

А она, не слыша чаемого ею признания, все чаще стала самоудовлетворяться. Выдохнет восторг от своего чувства – и успокоится. Недолгая эйфория...

Жаль, это же тупик. И конец отношениям, которые еще могли бы куда-то развиваться.

Поняла она это или что-то по-своему, по-женски проинтуичила, но со временем – ему потерпеть пришлось – отучилась заскакивать вперед. И само ее чувство от этого не исчезло, а ушло вглубь. Привился побег... Интересно наблюдать, как оно стало руководить и словами ее, и поступками.

Позвонил ей в конце декабря – захотелось вместе проводить первый год их дружбы... Начал издаലെка – по привычке не приговаривать собеседника к своему решению, поиграть и посмотреть, дойдет ли сам:

– Как жизнь молодая? Какие планы?.. Вот дочь говорит, что я уже забурел за городом...

– Сегодня у нас вечеринка, вас же приглашали... – растерянно и с обидой перебила его Марфа. Но может, и ослышался – связь не ахти...

– А я думал, что...

Она снова не дала договорить:

– Как, вы... не придете?! – почти всхлипнула.

И тут же слеза в ее голосе как будто замерзла. Мгновенно переключилась собеседница. Его даже уколола ледяная нотка:

– Что ж, насильно мил не будешь...

«Ого! Она мне еще устроит...» – с восхищением подумал Дубинин. Но придется зайти – может, ей зачемто нужно его присутствие...

Женщины часто использовали его как козырную карту в своих карьерных потугах. Он не противился, если это не слишком противоречило его собственному удобству. И уж совсем внутри, невыговоренно, у него была циничная радость: взяла плату, милочка, – значит, я свободен...

Марфа, правда, пришла в отчаяние, как только поняла, что он-то намечал вместе где-нибудь поужинать, а потом... Жалко ее стало... Такая беззащитная...

Поздним вечером вышли из конторы втроем – Федор, Марфа и Мурат, ее шеф и давний-давний дубининский... кто? Точно, не друг и не приятель... Знакомец? Маловато... Коллега? Пожалуй... Теперь благодаря Марфе они очень тесно сотрудничают. Но точнее – профессиональный попутчик...

Так вот этот Мурат вдруг со спины приобнял их обоих, а потом резко подтолкнул друг к другу. И быстро зашагал прочь, в сторону метро. Откуда такая прыть взялась у сильно выпившего человека...

– Он что, ревнует? – ойкнув от неожиданности, спросила тогда Марфа.

Сложнее, подумал про себя Федор, оставив вопрос без ответа. Как часто делал, если в голову сразу не приходило что-

нибудь нетривиальное. Обдумывание оставлял на потом – созреет мысль и сама выскочит.

То, что людей к нему тянет, стало заметно уже в юности. Когда такой большой выбор, ошибаешься, конечно. Но и научиться проще. Прежде всего Федор ампутировал благодарность за то, что человек к нему расположен. Не его, не этого именно человека заслуга...

Дураки сразу обижались и отсеивались, а кто поумнее – те, как Мурат, всегда что-то предлагали за его дружбу. Свой взнос. Вот сейчас Марфу уступил... Ха...

А была у Мурата и первая попытка сблизиться... Лет пятнадцать тому назад, когда он, взрослый уже мужик, по-юношески серьезно признался Федору:

«Я в общем-то могу перебиться без того, за что бьются другие. Клеваю бабу завалить, бабки срубить, должность заполучить... Хрен бы со всем этим... Если же дуриком что-то обломится, то не кайфую, а стыжусь. Словно надул кого-то...»

На трезвую голову выдал Мурат. Без самоуничтожения сумел признать первенство чаемого друга.

Федор даже решил к нему присмотреться, но быстро понял, что слишком обыкновенная ситуация: раздвоенный человек этот Мурат. Как большинству, ему комфортнее думать о себе хорошо, вот и трусит до глубины себя понимать...

Тоже мне – человек из андеграунда... Да такое подполье, такой подвал найдется в любой хрущобе.

Непредсказуемые поступки совершают такие люди...

Глава 2

На экране дубининского мобильника высветилось два пропущенных звонка.

Время? 16.10 и 16.11. Рядом, как снаряды... Один за другим с домашнего телефона Марфы. Вернулась из Рузы и опять мечется? Опять ищет и находит повод, чтобы коснуться его если не телом, так хотя бы голосом... Изобретательная.

Федор усмехнулся и, поймав себя на мужском самодовольстве, наклонил голову: якобы почесать подбородок о грудь. Фанфаронство, как и серебряная искра седины, затерялось в усах и короткой русой бороде. Ни от кого он не прятался – один был в своем кабинете. Но с тех пор, как пьяненький старик, завсегда тай подвальной забегаловки на Петровке, где расслаблялись непризнанные пока гении, трезво посоветовал: «Не надо вам больше с нами. У вас уже есть имя», Федор старался, чтобы никто не мог застигнуть его врасплох. Никогда. За пару десятков лет вошло в привычку украдкой ничего не делать – прежде всего у себя ведь и крадешь свободу.

На его звонок отозвалось Марфино меццо-сопрано. Увы, не живое и веселое, а искусственно-строгое. «Вы набрали номер...» Слишком ответственно, слишком старательно записывала наша отличница текст на пленку.

– Это Дубинин... – признался он глуховато. Помедлил, соображая, что добавить, чтобы она успела, если дома, откликнуться. – Ездил с женой за провизией, а трубку не прихватил... Вот вернулся на дачу... Попробую твой мобильник...

По памяти набрал одиннадцать цифр. Снова она ускользнула – чужое меццо-сопрано без какого-либо сочувствия отчеканило: абонент недоступен. В голове мелькнул и тут же исчез лик неведомой дамочки, превратившей себя в телефонного робота. Ущемленная гордость морщинами въедается в уголки губ. Старит женщину...

А что же Марфа? Да ладно, сама перезвонит. Если ей что-то нужно. Если, охолонув, вынесет за скобки свое всегдашнее признание в любви и сообразит, есть ли у нее информация, которая не может подождать до их встречи. Никогда им не планируемой.

Новый звонок с Марфиного домашнего телефона Федор снова пропустил – после полдника присел за свой компьютер и увлекся. Торопиться не любил, но именно сейчас азарт подсказал, что надо поскорее кумекать. Проблема новая: куда безопаснее и выгоднее вкладывать деньги все увеличивающегося стабилизационного фонда?

Заказчик-то хорошо знал Федора и не понукал.

Один только раз, в самом начале карьеры советника по инвестициям, на него насели насчет сроков. И право имели: он – по инерции советского равнодушия к бумажкам – не обратил внимания на петитный пункт в договоре. Дата окон-

чания работы...

До сих пор доносится эхо той истории – всем новичкам рассказывают, как Дубинин разорвал контракт и, залезая в умопомрачительные по тем временам долги, выплатил неустойку. Семь тысяч рублей в стабильные семидесятые – целый семейный стабфонд... Хорошо, жена умная, не причитала.

Теперь без Марфиного «добро» он ничего не подписывает – выручает ее юридическая дотошность...

Пока открывался электронный почтовый ящик – время, время... – Федор крутанулся в кресле, откинулся на ласковую лайку спинки и уставился в потолок, вспоминая... На-страиваясь...

– Почему вы тогда вернули деньги, почему просто не поторопились? – В первый же их длинный разговор Марфа вперилась в него своими цветаевскими желто-зелеными вино-градинами.

И, ни секунды не помедлив – он только успел сообразить, что речь о той давней неустойке, – сама и ответила. Отрывисто, с неожиданным скачком в сторону:

– А, понятно... Достоевский жалел, что пришлось всю жизнь пороть горячку. Работал «с колес», как бы по-сегодняшнему сказали. Не успевал отделявать текст – деньги зарабатывал...

Федору и кульбит Марфин понравился, и сравнение с До-

стоевским... Он моментально включился, сообразил, о чем речь, и отмежевался от классика:

– Тезка слукавил... Ему именно такой темп подходил... Может быть, чувствовал, сколько проживет. Успеть надо было, и он успел...

А сейчас? Вовремя включишься в гонку – поток сам тебя подхватит и принесет к цели. Например, с этим проектом не стоит мешкать. Свобода мысли обеспечена, пока мало кто знает, чем он сейчас занимается. Не сегодня завтра разведуют и начнут дергать. Придется отвлекаться – лавировать, наживать новых врагов... Ненужная морока.

Так-так... Пробежал глазами колонку отправителей – письма все несрочные, вернемся на домашнюю страницу... Без суеты...

Небо притянуло Федора. Небо, свободное от облаков.

Целую неделю стояла сухая погода, и окно, которое он сам вымыл в прошлый понедельник, казалось прозрачным, незастекленным проемом. Нет преграды между домом и волей. Задрал голову, и в поле зрения уже не попадает ни крыша соседской дачи, ни верхушка мачтовой великовозрастной сосны – перед глазами будто загрунтованный холст, на котором приживется любая мысль, хоть на обыденный взгляд и сумасшедшая.

Прикинул, какую часть миллиардных активов разумно разместить внутри страны, какую за рубежом. Классические

две корзины.

Пальцы сами открыли нужный файл. Пробежался по списку, отмечая самые прибыльные компании. Сбросил рискованные. Невзирая на лица. Ему это нетрудно: научился не связывать себя не то что дружбой, а даже и приятельскими отношениями в своем профессиональном сегменте.

Марфа – спонтанное исключение. Вне тактики и стратегии. И этим тоже интересна...

Глава 3

Дачу в Рузе предложили Мурату год назад. Только хлопот добавили. Отказался бы, да жена уговорила. Надеялась растить там внуков.

Надежды наши...

Зятю-компьютерщику подвернулся выгодный контракт в соблазнительнице-Америке, и за месяц до рождения внучки они улетели. Бабушка вслед, помогать.

И вот вчера, первого июня, Мурат впервые один, без сопровождения приехал в загородную халупу. Захватил с собой упаковку снотворного – многолетняя бессонница, привычная, как вывих... И все же попробовал уснуть без таблеток. Получилось.

Соловьи разбудили да яркий свет. Не разжмуривая глаз, встал – задернуть шторы, чтобы потом еще поваляться. Но из открытого окна игриво шлепнула прямо по душе полузабытая свежесть и звонкость:

– Фьюить-фьюить, чирк-чирк, тиу-тиу...

Брачные птички фиоритуры, как неожиданная джазовая импровизация, избирательной волной задела те самые рецепторы...

Потянуло на волю.

Размяться.

Сила в жилах...

Глоток воды из-под крана, шорты с майкой, оседлал велосипед...

На развилке, не раздумывая, свернул на прямую тропу – кратчайшая дорога от здешнего пансионата к автобусной остановке.

Воздух, крепко настоянный на сосновой хвое и прелых прошлогодних травах, через которые уже пробились зеленые стрелки новой поросли...

Быстрая езда, почти лихачество...

В голове – горячечный вихрь. Он, наверное, и подхватил Марфу.

Заметил ее издалека. Шла медленно, глядя под ноги и чуть скривясь под тяжестью дразняще-красной дорожной сумки.

Хорошо, что не надел обтягивающие шорты...

Разглядывая женское тело, Мурат крутил педали, только чтобы удержать равновесие... Приближался.

Прямая юбка до щиколоток, длинная блуза такого же полотно-серого цвета, косынка обнимает голову, налезая на лоб... Аллах! Все закрыто, и все манит...

Схватить бы ее за талию, перекинуть через круп велосипеда, и – к себе... Молча, ни слова не говоря.

Но с ними, с современными бабами, так не получается...

Унимая нетерпение, Мурат остановился, спрыгнул на землю еще до того, как Марфа подняла голову и узнала его.

– Ой! Ты откуда? – вскрикнула она и тут же застыдилась

своего испуга.

Отлично! Виноватящуюся женщину подчинить легче. О себе забывает и станет самоотверженно думать, как загладить свою неловкость. Не раз этим пользовался. В служебных целях.

– На электричку идешь... – Не ответив на Марфин вопрос, Мурат спокойно забрал ее сумку и деловито приторочил к велосипедному багажнику. – Зайдем ко мне, выпьем чаю. Потом я тебя до станции подброшу.

Он не спрашивал – приказывал. Старался говорить как можно мягче, но так, чтобы не оставить щелочки для отказа.

Заполучить ее в собственность! – билось у него внутри... Знал, что должен как-то реализовать свое право на Марфу... Именно сейчас.

Эх, подросток прошел. Свидетель. А, ерунда! Что они помнят!

– Заодно обсудим дубининские предложения, – добавил Мурат для верности, цементируя невозможность отступления. Ее и свою.

Как коня под уздцы, вел он за руль двухколесную машину.

А бабенка клюнула! Пусть на имя Дубинина. Даже лучше – сама виновата, если что...

Легкая поступь-полет полноватой женщины волновала, и Мурат сдерживался, чтобы не приобнять свободной рукой покатые плечи своей пленницы. С удовольствием себя обуздывал – приятно то, что отдаляет цель.

Предвкушение...

– Про виллу мою разве не знала? – Поднимаясь на крыльцо, он внимательно осмотрелся – вокруг ни души. Никто не видит, как птичка залетает в клетку.

– Не-ет, – прошептала Марфа. Растерянно.

Хм, усмехнулся про себя Мурат. И не могла знать.

Специально же засекретил. Чтобы не пробуждать лишней зависти. Лишней? Да она всегда лишняя. Как портили ему настроение разные окол Кремлевские болтуны, когда даже без дела, по дороге куда-нибудь, заходили в их контору – удобно, в самом центре, – и начинали хвастаться поездками, заработками... Несть числа благ, которых не было у Мурата...

– У меня тут мелкое хозяйственное дельце, а ты пока посмотри проект одного депутата. Он раньше Дубинина подсутился, но лучше ли...

Усадив сотрудницу (его власть!) за свой компьютер, Мурат плотно прикрыл дверь комнаты, назначенной кабинетом, и – в коридор. Ощупать кожаную дамскую сумку, которую предусмотрительно снял с Марфиного плеча, как только она вошла в дом. Якобы ухаживая за дамой. Если у нее есть телефон – то только тут: костюм без карманов, на шее, кроме крупных янтарных бус, ничего.

Гладкая, мягкая лайка, как покорная женщина, сжималась под пальцами Мурата, успокаивая его. Твердая дощечка мобильника выдала себя сразу. Он расстегнул «молнию»

на внешнем кармане и только взял аппаратик в руку, как он ожил, завибрировал. Телефончик подпрыгнул и полетел было на пол, но Мурат успел подхватить его и закрыть своим телом, как амбразуру. Из перестраховки: мелодия «Желтой подводной лодки» лилась негромко – Марфе точно не слышно.

На экранчике была только буква «Ф». Неужели Дубинин? Надо выяснять.

Наслаждаясь полной властью над сотовым субститутотом Марфы, Мурат не спеша понажимал кнопки, чтобы открыть адресную книгу. Дубинин был там зашифрован инициалами ФМД. Прямо Достоевский какой-то... Значит, высветился не этот «Ф». Просто жене звонил муж. Ну, этот-то обожатель не опасен.

И уже с хладнокровным сладострастием Мурат вынул батарейку из аппарата, всунул в его нутро клочок бумаги и снова собрал, как было. Пресек связь...

Марфа уснула прямо за столом, на кухне. Допила чай с фенозепамом и упала головой на клеенку, не успев сообразить, что происходит. Последние свои силенки потратила, чтобы держать открытыми слипавшиеся глаза. Мурат нарочно принялся пространно анализировать действительно сложную ситуацию на фьючерсном рынке...

Она еще и стыдится, что засыпает.

Безвольное тело, не откликающееся ни на какие при-

косновения, было неподъемным. На руках перенести его в спальню у Мурата не получилось – пришлось тащить на закорках. Когда он переваливал отключившуюся Марфу на кровать, ее тяжесть перевесила, и он свалился прямо на нее. Голова угодила в ложбинку между ее большими мягкими грудями, а его спина так раздвинула ее длинные ноги, что неширокая льняная юбка затрещала. Вот-вот порвется.

Оставлять следы негоже...

Мурат мигом сгруппировался и сполз на пол, но нервы хребта зафиксировали твердый холмик с обрывом в бездну. Которая притягивала.

Он склонился над Марфой... Аккуратно скатал ее юбку от подола до талии. Белизна трусов ударила по глазам. Сдернул их, зажмурился и ухватился губами за голые, теплые розовые края. Чтобы не сорваться в никуда.

Мгновенная разрядка.

Давно с ним такого не было. С юности.

Стоя под душем, Мурат пока еще не думал, что – дальше. Фантазия рисовала киношные картинки, в которых принимают участие двое: он и живое, отзывчивое тело спящей пока женщины.

Мысль лихорадочно заработала: а если она вырвется? Проснется и сбежит?

Ни за что!

Привычная раздвоенность пропала. Внешний человек перестал озираться на тайного, внутреннего. Осторожного, за-

стенчивого, с детства боящегося, что его в чем-то разоблачат.

В чем-то...

В школе приходилось помалкивать о родне. Матушка в тюрьге, дядька, родной ее братец, тоже, отчим и тот в заключении. А реального отца перед самой войной замели, сунули в штрафной батальон, где он и сгинул за месяц до рождения Мурата. Никакой политики – чистая уголовщина...

С такими родственничками пацану светила неплохая карьера в криминальном мире родного Ставрополя. Но воровать побоялся...

Мурат натянул адидасовские шаровары, майку на мокрое еще тело, кинулся в гараж и – в Москву! Вспомнил, что дома в ящике письменного стола валяются наручники. Подарили лет шесть назад после гуманитарного визита в Матросскую Тишину. Тогда модно было заботиться о мучениках российского беззакония. Свыше разрешенное фрондерство.

Ночь, а внутри Кольцевой уже не полетишь – полно машин. Скорость больше не уносила Мурата от белизны, подпертой ляжками, которые успело подрумянить майское солнце. Он помнил, как натягивал на Марфу трусы... А не забыл ли одернуть юбку? Почему-то это было очень важно...

На Новом Арбате попробовал отвлечься. Поглазел на то, как из только что отремонтированного и перестроенного кинозала весенними журчащими ручьями растекалась толпа – кто к припаркованным на тротуаре машинам, кто в сосед-

ние кафешки. Некоторые останавливались, чтобы закурить и с кем-нибудь созвониться: куда бы теперь намылиться? Как будто никому спать не хочется. Пир продолжается.

Другая, незнакомая Москва! Мурат открыл ее для себя, когда снова сел за руль – дачная жизнь потребовала. Раздражало, что теперь он не мог присоединиться к гуляющим – пить-то нельзя, а без десятка-другого промилле алкоголя в крови ему неуютно, неловко среди людей.

Завидовал им.

Но только не сейчас. Сейчас пусть их самих жаба душит...

Глава 4

Когда работа вчерне была закончена, Федор посмотрел на сделанное со стороны. Задумался о тех, кому оно попадет в руки. Чтобы одобрили конкретные люди, придется чуть подпортить список компаний: дело застопорится без заинтересованности исполнителя – хотя бы отдаленной, опосредованной. Найдется тысяча причин. И это еще не коррупция. Это природные силы, которым всего лишь не надо позволять распоясываться. Держи их под контролем – так они еще и поработают на тебя.

Дубинин крепко зажмурил глаза – из уголков, как сок, выдавились слезинки. Сцепил руки в замок, вскинул их над головой и потянулся до хруста в суставах. Неплохо потрудился. Заслуженная радость раздвинула губы в радостную улыбку, ничуть не самодовольную.

Второе июня, темнеет все позже и позже – еще видна бузина, вместо забора тесно посаженная по краям его большого участка. Je prends mon bien ou je le trouve. Ухватил чужую идею, внедрил: дедки в электричке вспоминали, что в старину крепкие хозяева защищали свои наделы колючими кустарниками. Чужак не проберется, зацепится.

Вроде бы устал, но не прилечь хочется, а двигаться. В Москву потянуло. Где сумка? Ортопед посоветовал не носить тяжести, и Федор полгода обходился пластиковыми па-

кетами, которые рвались иногда прямо в дороге. Неудобно, но что поделаешь. Позвоночник нельзя нагружать. А Марфа еще и фыркнула: мол, неэстетно. И на следующую же встречу принесла черную матерчатую сумку с оранжевой надписью «ARTE», куда вмещались немногие нужные ему бумаги, а зимой – и кусок пенопласта, который он подкладывал под зад на холодное сиденье электрички. Чтобы не застудить почки. Приходилось заботиться о нескольких пробоинах в своем крепком корабле.

– Купи мне глазные капли. – Жена сразу догадалась, что он уезжает.

По скрипу лестничных ступеней научилась Зоя его понимать. Когда он спускался с готовым решением, шаг был собранный, ритмичный. «Хоть метроном настраивай», – как-то заметила дочь, бывшая музыкантша.

– Твой сотовый, кажется, звонил... – Протянув трубку, жена наклонилась и взяла на руки кошку, прибежавшую прощаться с хозяином.

Хм... Голос напрягся... Хотела спросить – кто? И попыталась спрятать ревнивое любопытство... А ведь за четверть века сколько раз убеждалась, что от него не укроешься. Увы... Женский инстинкт сильнее ума.

Федор положил руку на Зоино плечо, легонько прижал ее стареющее тело к своему боку, успокаивая, и впервые за день посмотрел на часы. Времени для слов нет: электрички редко останавливаются на их полустанке. Следующая – через де-

сять минут.

В середине восьмидесятых он вполне мог получить государственную дачу вблизи Москвы. Секретарша министра, большеглазая высокая шатенка с пластикой пантеры, уже усадила его за свой стол – писать заявление и, покачивая бедрами, направилась к двери шефа – договориться о внеплановом визитере...

Приемная – как волейбольная площадка, огромная. Пока молодка шла, его чуть не подхватила волна мужского нетерпения: одно налитое тело потянулось к другому... Сдержался. Уж очень легко покатилося... А что в ближайшей и слишком предсказуемой перспективе? Что будет, когда она надоест? По-разному ведут себя оставленные дамочки...

Когда секретарша занот: «Я тебе дачу пробила, а ты не звонишь...» – можно, конечно, без слов напомнить, что предложила сама, никаких условий сразу не поставила. Опытная, поймет. И даже если министр попробует прижать: «Проголосуйте за проект... мы вам дачу дали...» – можно отказаться. Ну, потеряешь режим благоприятствования, но все так быстро меняется. И министры на одном месте долго не засиживаются, как раньше, и удавки на шею теперь шьются в основном из крупных денежных сумм.

Нет, не из-за таких пустяков порвал Федор свое красиво, витиевато мотивированное заявление. Не захотел поселиться в благоустроенной резервации, чтобы не жить среди себе подобных. Даже дружественно настроенные соратники раз –

и становятся проводниками государева ока, пригляда за тобой. И потом – все время говорить о деньгах, о выгодных вложениях... Так сузить свой мир... Увольте. Пусть подождать пришлось, пусть позже воссоединился с природой, зато полное инкогнито – ни одного коллеги как минимум в радиусе тридцати километров.

...В электричке идентифицировал звонок, но решил ответить уже из Москвы: с Марфой приятнее говорить без лимита времени.

Дома хозяйственно заварил чай, устроился поудобнее на диване – блокнот с ручкой на коленях, пиала в левой руке – и выслушал отчет автоответчика. У Севки какая-то просьба. Можно позже вникнуть. Четверть века человек рядом держится, с университетских времен, и ни разу не напряг...

В общем, из дюжины звонков только на два надо отозваться сейчас же. Один из Страсбурга – приглашают на сессию. Сразу решил – поеду. Неофициальные разговоры в промежутках между заседаниями повышают степень информированности. Второй – от заказчика. Министр, а не перезвонил на мобильный. Деликатность поощрим.

Ни одного разговора не скомкал...

Марфу оставил на сладкое. Под долгие монотонные гудки он мысленно вернулся к готовому отчету: добавить бы туда имя ее мужа... Профессор, эксперт... И все-таки не чужой человек... Усмехнулся.

Тут блуждающий взгляд Федора споткнулся о стрелки

будильника: без четверти двенадцать. Поздновато. Перенесем-ка разговор на завтра.

Запахавшееся мужское «алло» он расслышал, когда трубка уже почти вернулась в гнездо на стене. Не Марфа? Она, и только она всегда отвечала по домашнему телефону. Значит...

Испуганный голос зачастил, задыхаясь:

– Я только что вошел в квартиру. Это я вам днем звонил.

Она не с вами?

Муж. Господи, как же он потерялся...

– Нет, она мне не звонила.

Федор и сам почувствовал, что жестковато получилось, слишком отчужденно. Но как иначе остановить нервную вибрацию... А дело серьезное – вряд ли Марфа загуляла. Виноватой себя чувствует, оправдывается, даже если опоздала всего на пустяк в минут пять.

Значит, выбора нет – надо включаться. Пригодится опыт по розыску. Вспомнил, как первый раз пропал младший брат. Трое суток звонков и опросов. Обнаружил его у бомжей, в конуре из деревянной и размякшей от мокрого снега картонной тары. Вонял... В чужом тряпье, обмороженный, но спокойный. Вымыли, ступни забинтовали, на всякий случай обследовали, и тогда только выяснилось, что все его странности – это болезнь. А думали: сноха – стерва... Но умер он от инсульта...

И все равно истерика – враг. Как же успокоить молодого

профессора?

– Выпейте воды, я подожду.

– Воды? Какой воды? Вы правда ее не видели?! – вскрикнул Марфин муж.

Чувство брезгливости – мужик, а плачет... – Федор сразу подавил: уж слишком легкое оправдание для собственного неучастия. Наоборот, разглядел и выпятил благородство Марфиного супруга: у многих на его месте промелькнула бы если не радость, так хоть удовлетворение, что жена не ушла к другому. Нет, ее Филипп – не собственник, не из тех: не со мной, так лучше умри... Но это не новость – Федор и так знал, что Марфу дома любят.

Может, именно это сдерживало его...

– Водка есть? Выпейте полстакана и рассказывайте! – приказал Дубинин. По праву старшего, по праву взявшего ответственность на себя. Сказал строго, но не сердито. Был бы рядом бедолага, потряс бы его за плечи – иногда помогает...

Долго же он копается. Тяжело дышит... Не догадался отложить трубку – так и ходит, зажав ее между плечом и ухом. Слышно, как причмокивает дверца холодильника, как булькает спиртное сперва в стакан, потом в пересохшее горло... Ну наконец, и речь полилась. Толчками и с большими паузами, но хоть так...

– Она утром должна была вернуться из Рузы... Просила не дергать... Но я... Я на всякий случай позвонил...

После очередной долгой паузы Марфин муж вдруг зача-

стил. Спиртное подействовало... И ясно стало, что у трезвого на уме была ревность – звонил, потому что не терпелось узнать, хоть по голосу догадаться, с кем жена. Одна или нет?..

– Я подумал, вдруг сумки тяжелые... Там ведь сперва до автобуса через лес почти километр, потом ждать на остановке. Хорошо, если маршрутка подвернется...

Страх Марфиного Филиппа материализовался в тишину. Потом послышался глухой звук – видимо, зубы стукнули о край стекляшки, которая дрожала в его руке... – и неуместно подробный рассказ продолжился:

– Так в нее еще попробуй втиснуться, с вещами-то. Ну почему такси не взять... Не уговорил. Она...

Новая пауза показалась Федору нелогичной, да и затянулась... Он проверил. Его энергичное «алло» упало в пустоту и не отозвалось даже эхом. Повесил трубку и, следуя негласному правилу: перезванивает тот, кто звонил, повторил свой вызов. Занято. Выходит, Марфин муж не заметил обрыва связи и в никуда продолжает свою эпопею. Ничего, опомнится, зато при повторе подчистит черновик, как-то организует хаос... Уже хорошо, что он так подробно рассказывает про маршрут – значит, не подозревает даже, что Федору он известен.

Что навещал он Марфу...

Что и путевку-то в пансионат она взяла только после того, как он пообещал приехать.

Все прежние свидания были в его московской берлоге, а интересно же посмотреть, какая она будет на своей территории. Когда не он, а она – хозяйка. И правильно сделал: успокоилась быстрее, чем обычно, – как только вернулись в ее комнату после молчаливой прогулки. И полегче было вынести силу и серьезность ее чувства... Она еще и пошалила: соскользнула с его живота и на свой рядом улеглась. Руки на локти поставила, голову уложила в чашу растопыренных ладоней и бесстыже поглядывает – что он теперь скажет-сделает... Как мало осталось ей дела на свете – еще с мужиком пошутить...

Ну, он не растерялся...

Федор от души потянулся, откинул назад голову и сладко зажмурился. Хорошо-о...

Но снова звонок. Филипп не спросил, с какого места разъединилось, а продолжил, откуда придется. Картинка все равно срослась.

Тот разговор был последним. Полтора часа на электричке, потом час на метро до Крылатского. Ровно в полдень муж уже подкарауливал Марфу у цветочного ларька. Минут через двадцать начал выгадывать: как только толпа из очередного поезда начинает иссякать, а следующий еще не пришел – выбегал наружу и пытался связаться с женой... Под землей-то на экране его мобильного высвечивалось: нет зоны покрытия. Но на открытом воздухе ему все время равнодушно отвечали: абонент недоступен...

– А дочери она не звонила? – стараясь не сердиться, прервал его Федор. Надо же как-то встряхнуть бедоношу... Сколько можно топтаться на одном месте! Еще не хватало, чтобы он сделался обузой.

– Даша у подруги на даче. К выпускным экзаменам готовятся. Я попросил известить меня, если мама объявится... Но о пропаже не говорил – может, все еще объяснится...

На все следующие вопросы муж отвечал прилежно, подробно, как отличник. Так девчонка старается в постели... От неопытности, от женской непробуженности, не понимая и не чувствуя, что же нужно партнеру.

Ни одной зацепки Филипп не дал. Ну, морги-больницы проверил. Понервничал в милиции – взяли заявление о пропаже. (Скандал – верный способ самому разрядиться, но никакого результата не получить.) Обзвонил знакомых – якобы всех, кого знал. Слетал в дом отдыха, обнюхал дорогу до станции, с фонариком искал улики. Детектив доморощенный...

– Уснуть сможете? – И чтобы муж совсем не раскис от того, что о нем заботятся, и не начал распускать нюни, Федор быстро добавил: – Встречаемся завтра на Белорусском. У касс. В десять утра.

– Почему так поздно?

Он еще и сопротивляется... Ну, это даже хорошо. Есть шанс, что будет не помехой, а помощником, подумал Федор, а вслух ответил:

– Я плохо соображаю, если не выплусь. Попытаюсь еще пару звонков сделать.

Кому, вот в чем вопрос...

Глава 5

Звонок Дубинина в пустой квартире Мурата был слышен уже из лифтового холла.

Мурат заспешил, занервничал так, что взмокла лысина. Машинально провел по ней правой пятерней и стряхнул капли на пол, в то время как левая нашаривала связку ключей, оттягивающую карман шаровар. Тыкал, тыкал золотистой железкой в замочную скважину, пока наконец не сообразил, что ошибся: ключ-то не от дома, а от их общего с Марфой служебного кабинета. Похожи. Надо будет разлучить стальных близнецов, не держать в одной связке.

В домашнем коридоре застал последнее, что писал автоответчик: «...узнаешь про Марфу, звони в любое время». Бархатный голос Дубинина. Сердце ухнуло. Не получилось, как у Фаулза... Чертов умник сразу же на него вышел.

Мурат даже не испугался – ему просто стало скучно. Нестерпимо скучно оттого, что все еще можно вернуть обратно.

Да, такие дела по наитию не провернуть.

У него, именно у него и не получилось.

А поначалу ведь все шло как по маслу. Будто кто-то продумал и тщательно подготовил завладение Марфой...

И вот напоролся!

«...звони» – голос Дубинина.

Значит, у него с ней... В общем, есть между ними что-то. Ради очередной любовницы этот сухарь и пальцем бы не пошевелил в такую рань... или позднь. Какая разница!

Горло пересохло, но Мурат даже не пошел на кухню за глотком воды, а боком протиснулся в чуть приоткрытую дверь ванной и поймал ртом струйку, выпущенную из крана. Больше ни до чего не дотронулся руками, чтобы не оставить следов своего пребывания в собственной квартире – как будто кто-то будет расследовать несостоявшееся похищение.

Несостоявшееся?

Его еще надо сделать небывшим...

Обратно в Рузу Мурат ехал в рамках километров семидесяти в час, не убыстряясь. Шел в крайнем правом ряду, чтобы не сердить редких лихачей, пролетавших мимо его «девятки». Лихорадка сама собой прошла от неспешного хода. Думал.

Первым делом надо будет измерить Марфино давление – пока сон ее еще крепкий. Нормальные цифры докажут, что он поступил логично, оставив неожиданно уснувшую женщину без медицинской помощи. Под собственным только присмотром.

Ведь он никуда от нее не отлучался и сам не смежил очи ни на секунду. Чтобы не испугалась, когда проснется. А это может произойти в любой момент.

В любой? Ха! Очнется не раньше восьми утра, усмехнулся Мурат. Плюс минус час – по себе знает. Хотя... Его про-

спиртованная худоба, его организм, за два десятка лет привыкший к снотворным, – не ориентир. Если пышка Марфа плотно поела перед их встречей, то...

Он посмотрел на циферблат. Почти четыре. Все равно можно не спешить...

Возбуждение прошло.

Жаль?

Да нет, еще и лучше...

Заглянул в женскую бездну и удержался...

Как вкусен бывает пирожок или кружок колбасы, который в детстве схватил с накрытого новогоднего стола. А наешься того же кушанья досыта – и тут тебе изжога, одышка. Посуду грязную убирать-мыть...

Глава 6

Филипп был уверен, что не заснет. Если бы сообразить, куда еще можно метнуться, где искать жену, – он бы вылетел из дома. А так... Раньше десяти утра делать в городе нечего.

Нервную трясучку обычно унимают алкоголем, но он-то уже опрокинул в себя грамм двести. Успокаивающее тепло продержалось недолго, ровно столько, сколько говорил по телефону...

Это чертово дубининское спокойствие!

Сколько раз Марфа плакала из-за его хладнокровного равнодушия...

Пообещал, что сделает для ее конторы аналитическую справку. Что-то там насчет стабилизационного фонда... Филипп не вникал – своих забот хватало. Студент пошел совсем беспардонный: дипломные работы присылает ночью, за несколько часов до защиты. Так этот Дубинин не лучше!

Сам ведь тогда позвонил Марфе и разрешил передать начальству свое согласие. Вечером перед Пасхой было дело. Дубинин – ни слова о празднике. Но она-то рада любому его звонку.

Загорелась... Не посчиталась с тем, что у шефа есть подстраховочная кандидатура на эту именно работу. И наплевала на то, что Мурат терпеть не может, когда его дома беспокоят по делам. Одной лишь думы власть знала – застолбить

кандидатуру Дубинина.

А вип наш – тот еще тип – пропал и объявился дней через десять: ему, мол, еще нужно подумать, стоит ли браться за это дело. И просит прислать все материалы по электронке.

«Встретиться не захотел...»

Даже зрочки Марфы расширились от боли, когда она положила трубку и... понеслась к компьютеру. Выполнять дубининскую просьбу. Самоотверженно, как всегда. А потом плюхнулась в кресло и уставилась в телик. Но чем экран может увлечь-отвлечь эстетически отесанного человека... Так помрачнела, что веки покраснели и набухли. Прорвало – зарыдала.

Филипп уж и не знал, как ее успокоить. Попробовал открыть ей глаза на кумира. Греховно сотворенного. Мол, умелец, хитрован! На ровном месте сделал так, чтобы за него боролись. Как записная кокетка. Ну, под аккомпанемент рыданий разве скажешь, что ее просто подставили? Правда бывает непосильно тяжела, не станешь же грузить ее на и так поникшие плечи.

Есть у них секс или нет – ну сущая ерунда по сравнению с тем, как она ему предана.

Но в том, что Марфа предана Дубинину, не чувствовал Филипп никакого криминала...

Чтобы хоть как-то успокоить жену, он тогда и выдал: «Не переживай так, умница моя бедная! Я тебя люблю, и он тебя любит...»

Самоотверженность заразительна.

...Звонок!

Филипп вздрагивает, поворачивается на бок. Черт, больно! Он открывает глаза. Вместо моря, одетого пеной волн, в котором только что тонул, – Марфино кресло. Уснул одетый. Рука затекла. Локоть хрустнул, когда он вслепую стал шарить пальцами по кровати. Телефон запутался в скомканном покрывале. Нажал кнопку, а там – ровный гул равнодушного к человеку пространства.

Но где-то звенит...

Неотключенная трубка мягко приземлилась на подушку, и Филипп, прихрамывая, выскочил в коридор. Как раз в тот момент, когда в открытую входную дверь с неприятным скрежетом въезжала родная красная сумка, которую подталкивала чужая нога в адидасовской кроссовке. За ней из темноты прихожей, как из преисподней, – Мурат. К его плечу прижимается голова Марфы с открытыми, но какими-то бессмысленными, водянисто-виноградными глазами.

Мурат выпростал правую руку – поздороваться, и тело Марфы медленно, как в кино, стало оседать на пол. Филипп отчаянно засуетился и, конечно, подхватить не успел.

– Голова какая тяжелая... – забормотала Марфа, очнувшись от столкновения с твердым паркетом. – А где Даша?

– Она позавчера к Лильке уехала, на дачу. – Филипп обрадовался здравому вопросу. – К выпускным вместе готовятся, – пояснил он Мурату.

– Ой, извините! – Зажимая рот обеими руками, Марфа поползла в ванную. Видимо, сил не было подняться с колен.

Мужчины замерли. Стояли и слушали, как ее рвет. Бульканье сменилось судорожными всхлипами, между которыми слышалось сиплое, задыхающееся: «Воды...»

Ну, теперь-то Филипп знал, что делать.

Хоть чуть подпорченное вино или просто лишний бокал – всегда одна и та же история. Даже в Париже Марфа умудрилась отравиться. Дорогое бордо, наверно, хранили неправильно. Ночь проспала, а с раннего утра принялась метаться в уборную – вернется, поворочается минут десять и снова бежит босиком, зажимая рот. Целый день потом на хозяйском диване искала позу, в которой голова трещит не так невыносимо. Вставала на коленки, упиралась лбом в твердую диванную поверхность... Попа на отлете...

Не смогла пойти на обед с кембриджским профессором.

Он потом при каждой встрече об этом вспоминал, жалел... А после взял и забыл, что приглашал Филиппа прочитать курс лекций на своей кафедре.

Поскорее бы выпроводить Мурата – при нем Марфе клизму не поставишь...

Легко получилось освободиться от соглядатая. Слишком легко...

Не будь Филипп так сосредоточен на своей миссии, он бы решил, что Мурат сбежал. Но в тот момент не до наблюдений было.

И про Дубинина он, конечно, не вспомнил.

Глава 7

Продолжая высматривать, не появился ли этот растяпа Филипп, Федор машинально похлопал себя по груди. Сердце забилось... Или возле сердца?..

А, это мобильник ожил... Сунул его в пиджачный карман и забыл. Да разве расслышишь синкопы «Аукциона» в вокзальном гуле... Зеленое на зеленом... Современное на современном... Надо поменять мелодию. Моцарт, пожалуй, будет поперек течения...

На экранчике высветился семизначный номер. Не раздумывая, Федор нажал среднюю кнопку с зеленой стрелкой. Соединился. Выслушал. Севка зовет в Малаховку, к Наталье – у нее верстка. Бывшая однокурсница как была комсоргом, так и осталась... Естественно, если есть организаторская жилка у человека, то она никуда не девается. Именно по этой логике многие комсомольские организаторы стали «бурменами», то есть буржуазными менеджерами, некоторые – очень крупными. Избранные – олигархами.

А Севка напоминает про сборник вроде энциклопедии – к юбилею философского факультета. Статья про каждого выпускника. Надо исправить ляпы. Неизбежные.

Кем только не стали те, кто диалектику изучал по Гегелю. Экономистами, как Севка с Дубининым, Наталья – журналистка, Дуркин в министры вышел, а Умнов – в бомжи...

Чем-то насторожила обычная, чуть заторможенная речь друга... Единственного, если не считаться с нынешней привычкой называть другом всякого, с кем пару часов почесали языком и не повздорили.

Говорит, хорошо бы вместе навестить Наталью, но он и один может... Сегодня – крайний срок. Не приговаривает к поездке, не давит, но Федор уже озаботился... Глазами отыскивает вокзальные часы, прищуривается – половина одиннадцатого.

– Подождешь? – говорит он в трубку. – Я только узнаю, могу ли сейчас ехать.

Первым в телефонном меню выскочило Марфино имя. Нажал вызов. В ответ – «алло», мужское. Филипп. Что-то сбивчиво объясняет, оправдывается... Федор и вслушиваться не стал – остановил поток, мгновенно переключившись на бархатный доброжелательный регистр, предназначенный для деловых разговоров с посторонними ему людьми.

Про себя, правда, отметил: а я рассердился...

– Севочка, назначай встречу.

Не сразу, но Федор все-таки сумел прогнать гневные мысли о Марфе. Ни в коем случае нельзя анализировать отношения с человеком, на которого сейчас злишься. Эмоции, как туча, застилают обзор – какая уж тут полная картина... Срочные хирургические операции откладывают, если у пациента поднялась температура. А негодование Федора начало подбираться к точке кипения.

Стоп! Стоп! Люди как люди... Редко кто отзванивает, когда ситуация рассосалась...

Он даже буквально остановился. И тут же получил толчок в спину.

– Раззява! Ну и мужики пошли!

Его обогнула бабища с огромной клетчатой сумкой. Обернулась – и вдруг преобразилась. Он даже залюбовался переменной: лоб, гофрированный злостью и недоверием, расправился, полные яркие губы раздвинулись в улыбку, обнажив ровные белые зубы. Красавица!

Видимо, приняла его за какого-нибудь артиста. Бывало такое...

Всю оставшуюся дорогу Федор уже думал только про Севку. И, встретившись, постарался, чтобы тот присоединился к расслабляющему заплыву в прошлое.

Получилось. Подхватил друг приятные воспоминания:

– Помнишь, как мы вышли на поляну? Высокая трава... Окрашенная солнцем до желтизны... Спят... Ну, помнишь? – спрашивал Севка, увлекаясь. – Она как будто дышала под несильным ветром...

– Такое как забудешь... Наш первый поход... Поездом до Гагр, потом пехом. Ночное небо... Я неба такого больше нигде не видел... Хотя на всех континентах высматривал. Нам обоим тогда надоели жены... – сказал Федор и прикусил язык: сам-то он умудрился не поддаться брачной чехарде, а Севка два раза разводился... Совсем недавно его третья же-

на умерла, и приемная дочь, молодая и очень современная, ловко выставила отчима из трехкомнатной квартиры в коммуналку...

– А помнишь военные сборы после четвертого курса? – Севка никак не среагировал на слово «жена»... Значит, не оно – ключ к его мерехлюндии.

– Сборы? – Федор расплылся в радостной, довольной улыбке.

Еще бы не помнить!

После отбоя они всей палаткой, человек восемь, сбежали на волю. Попутка подбросила до райцентра, и там – на танцплощадку. Севка, за ним остальные бесшабашно подкатились к самым смазливим девчонкам.

А Федор не поспешил. Выбрал тихоню, стоящую в сторонке. Привычную к тому, что на нее не обращают внимания. Лицо, если совсем честно, было так себе: тяжелый подбородок, глаза близко посажены, брови угрюмо срослись... Не уродка, конечно, но и не красавица. Зато бедра крепкие, широкие... Все ведь в движении... Женщины, как цветы под солнцем, распускаются от похвал...

Пара медленных танцев, щекочущий шепоток в ждущее женское ушко: «Твоя спина меня с ума сводит»...

Пока однокурсников дубасили ревнивые местные ухаже-ры, Федор без труда уговорил подружку уединиться. Да еще и повезло: у нее были ключи от диванчика... Ну, от радиорубки...

Возвращался в полном кайфе... Один, высокое небо со звездами в крупный крыжовник, светляки пробивают темноту травы...

На краю капустного поля, что впритык к их лагерю, быстро нашел пластиковый пакет, куда сложил синие шаровары с пузырями на коленях и футболку. Прикопал по дороге к удовольствию. На случай шухера. Если на обратном пути останвят – он, мол, в уборную ходил.

А этих дурачков, покалеченных превосходящим в количестве и в силе противником, запетала лагерная охрана. Их день начался затемно, на губе...

У Натальи засиделись до позднего вечера. Под пироги с капустой и фирменные пельмени... Умение не пропешь... Бутылку они с Севкой на всякий случай прихватили с собой. Пригодилась.

Федор не то чтобы ждал, когда же выяснится, чего это однокурсница так расстаралась... Просто любопытно было: меняются ли с годами прямолинейные прагматики.

Подтвердилось – нет. Даже настырнее становятся. Натальяина дочь поступала в аспирантуру. «Одно твое слово декану – и девочку примут...»

Наталья – человек простой. Из тех, кто считает свою бедность и бессилие виной окружающих, поэтому просит и берет беспардонно, не озабочиваясь оплатой. Ради бывшей сокурсницы Федор бы не стал ни у кого одалживаться. В та-

ких случаях – а их становилось все больше и больше – он отвечал: попробую, и тут же выкидывал из головы нахальную, пусть и не очень докучливую просьбу. Ведь то, что вместе учились, – слабая мотивация даже для средней беллетристики, а уж в реальной жизни – просто ничтожная...

Но сложилось удачно для просительницы: декан... а зачем вспоминать ерунду всякую... В общем, декан был ему обязан, и эта услуга – самый простой способ расквитаться. Старик из тех, кого раздражают неоплаченные счета. И досада тенью ложится именно на заимодавца, на благодетеля.

Конечно, это советская, устаревшая доблесть – не жить в долг. Современная экономика без кредитов не работает – еще и поэтому Федор предпочитал иметь дело с теми, кто помоложе...

Краем глаза он отметил, как Севка вяло раздел вилкой сочный пельмень, отковырнул кусок мясного фарша и забыл отправить его в рот. Левая его рука ерошила густые, еще не поредевшие русые волосы, потом пальцы, забытые им, сползли по щеке вниз, на столешницу, и принялись собирать скатерть в мелкие, мелкие складки – как будто соборовался... Вдруг рука дернулась и наткнулась на стопку с водкой. Севка автоматически поднес рюмку к губам, глотка не сделал, а сразу вернул на место... Посидел, не двигаясь, резко встал. Скатерть за ним, но он этого не заметил. Не Наталья прыть – вся еда оказалась бы на полу.

А Севка нервно мотнул головой в одну сторону, в другую

– будто огляделся. Соображал – где он? Хотел что-то спросить? Не произнеся ни слова, подошел к дивану, на валике которого лежала пухлая стопка книжных гранок. Встал на корточки и выудил из верхней части несколько листков. Правильно, их фамилии в начале алфавита – Федор-то просмотрел сборник перед тем, как сесть за стол. Дело прежде удовольствий...

Не замечая неудобной позы, Севка принялся читать, поднося каждую страничку к самому носу. Близорукий... Заметит ошибку – достает шариковую ручку из внутреннего кармана пиджака, кладет листок на твердый пол и сосредоточенно правит. Как поклоны кладет...

Федору стало не по себе, но тут Севка подал голос:

– Смотри-ка, тему твоей докторской переврали и пару лауреатств позабыли указать... Говорил же тебе: исправь интернетовские данные!

Голос, в котором звенела всегдашняя его гордость за друга.

За другого как за себя...

Восхищение, так взбадривающее в неизбежные минуты отчаяния...

Восхищение без ревности... Редкость...

Автобуса ждали молча, молча ехали: оба подустали. Жизнелюбу было комфортно в этом безмолвии, а Севка...

Севка проводил Дубинина до Казанского вокзала и подо-

ждал, пока он отлучался по нужде.

Выходя из сортира, Федор не сразу разглядел приятеля. Куда подевался? Возле касс, на том месте, где он его оставил, к закрытому окошку прислонился какой-то горбатый старик с остановившимся взглядом. Щетина появилась... Местами уже седая... Словно проплешины на землистых щеках...

– Чего сник-то! – Федор похлопал сутулую спину. Рукой хотел удостовериться, что не обознался.

Получилось слишком бодро. Неуместно. Губы весельчака брезгливо искривились. Себя самого застыдилась...

– Со мной все кончено, Федя, – не раскрывая рта, утробно бормотнул Севка.

– Брось! Мы еще повоюем! – торопясь на последнюю электричку, отмахнулся Федор. Вторую ночь подряд торчать в Москве уж очень муторно. Не выспишься так, как за городом...

«Ничего, завтра же ему позвоню, – успокоил он себя. – Да и утро вечера...»

В голову не пришло, что до утренней мудрености еще надо суметь дожить...

Глава 8

Филипп скосил взгляд на часы. Ровно шесть. Чтобы ненадолго не уснуть, он всю бесконечную ночь провел на коленях у Марфиной кровати, прислушиваясь, дышит ли она... Время от времени вскакивал – порывался вызвать «скорую», набирал 03 и бросал трубку: никак не придумывалось, что соврать, чтобы врач приехал, – лоб-то у жены холодный, и судорожные всхлипы были все реже, а как стемнело, и все прекратились... Но это же ненормально – проспать почти целые сутки...

Солнечный луч упал на лицо Марфы. Задержался в спутанных волосах, погрел бледные веки, и они поднялись. Занавес снова открылся...

– Есть хочется... – удивленно проговорила она. Села и, опираясь на руки, ловко переместила попу к изголовью. Оперлась на кроватьную спинку.

– Кофе? Мюсли? – тихо спросил Филипп, проверяя бытовыми словами, вернулась ли она к нему. И, не дав времени на ответ (испугался, что он будет отрицательным?), суетливо поторопился: – Я сейчас приготовлю, ты не вставай! – И, жалобно заглянув в глаза жены, метнулся из комнаты. – Может, лучше кашу геркулесовую сварить? – крикнул он уже из кухни. – Сколько хлопьев сыпать?.. Пожиже хочешь или погуще?.. А ее кипятком заливать или холодной водой?..

Обычная ситуация: чтобы получить завтрак в постель, слишком умелая хозяйка, избаловавшая близких своей ловкостью, должна встать, приготовить еду, поставить ее на поднос и снова лечь. Есть, правда, надежда, что любящий муж сумеет донести еду и по дороге не опрокинуть на себя горячий кофе...

Марфа не стала искушать судьбу. Заскочила в туалет, в ванной почистила зубы, халат на плечи – и вот уже они за своим шатким столом пытаются понять: почему она вырубилась? И почему именно на даче Мурата?..

– Ну зачем ты туда потащилась... – Отводя взгляд от бледного Марфиного лица, Филипп старался, чтобы в его голосе не проступил упрек.

– Мне стыдно было, что так не хочется к нему заходить... – виноватилась Марфа. – Улыбалась – только бы не подумал, что пренебрегаю... Человек же, зачем обижать...

– А себя обижать тебе не впервой... Дай мне слово, что покончишь с этой своей самоотверженностью!

Вот во что чаще всего преобразовывается мужская растерянность – в прокурорский тон... После таких разговоров у мужей остается уверенность, что они – опора, что без них бедняжки жены пропадут... Приятно...

– Я там, в Рузе, плохо спала, – продолжала оправдываться Марфа. – И вечером приняла таблетку, которую мне невропатолог прописал... Помнишь, после того обморока...

Еще бы не помнить...

Сколько она тогда пролежала на полу, так и осталось неизвестно. Филипп несколько часов писал и в Интернете копался, пару раз вышел из кабинета на кухню, чаю попить, – и не обратил внимания на тишину за стеклянной дверью. Позвал жену, когда захотелось поесть. Зашел в комнату, а Марфа как раз и очнулась. Бледнющая. Вот как сейчас... «Скорую помощь» не разрешила вызвать, но к врачу на следующий день сходила.

– Может, опять был спазм головного мозга... Не подходят мне их таблетки... – Виновато и с какой-то детской надеждой Марфа посмотрела на мужа.

– Да мне тоже черт-те что напрописывали! Я даже целую неделю травился их лекарствами. В результате все время сонный ходил, а уж как только почувствовал... – Филипп запнулся, но быстро нашел пристойный словесный эквивалент для описания сугубо мужской физиологии, – почувствовал притупление некоторых эмоций... На фиг мне такое лечение – пусть меньше проживу...

Может, обе головы, взбодренные крепким кофе, и еще до чего-нибудь бы додумались, но тут зазвонил телефон. Вспорол благодушие.

– Даша? Так рано! – вскрикнула Марфа, метнувшись в коридор к аппарату. – Алло!.. А, это ты, Маш... Что?! Что-о-о... повтори... – потерянно просила она, возвращаясь на кухню с трубкой, вжатой в ухо. – Мама умерла сегодня ночью, – прикрыв микрофон левой ладошкой, прошептала

Марфа, распахнутыми глазами глядя на мужа.

Искала ту самую опору...

Филипп по себе знал: каждая минута обычной московской жизни теперь будет только усиливать горе. Так было, когда умер в Томске молодой, шестидесятитрехлетний отец, так было год тому назад, когда в подмосковной больнице ушла его мать...

Страшно именно сейчас, хотя настоящее, осязаемое и сердцем, и умом чувство потери, как свет исчезнувшего небесного тела, достигает человека не сразу. Девять дней, сорок – они, как ничейная полоса, охраняют прежнюю жизнь от вторжения новой, ущербной, к которой еще надо суметь приноровиться. Не у каждого получается...

– Собирай чемодан, – мягко приказал он, прижимая к себе жену. Дрожащую. – Я узнаю насчет ближайшего самолета...

– Маша советовала на поезде... – слабо посопротивлялась Марфа, но сама уже обнимала стул, чтобы подтащить его к дверце антресолей, слишком высоких для ее небольшого росточка.

Тишина...

И – шорох... В дверном замке проворачивается ключ. Раз, другой... Хозяева замерли: Марфа под потолком (стул, толстые словари, она на цыпочках с поднятыми руками, нашаривающими дорожную сумку в темноте и тесноте вещевого кладбища), Филипп с телефонной трубкой, из которой через

равные промежутки времени бьет равнодушное аэрофлотовское «ждите ответа».

Замок, наконец, поддался. В дверном проеме – дочь.

– Бабушка... – выдохнули разом все трое. Хором, будто сговорились.

Оказалось, Даше в эту ночь не спалось. Сгусток тревоги... С кем плохо? Мама... Мысль на этом месте потрепетала и слетела на бабушку... Даша проворочалась до шести, а потом тихонько, чтобы не разбудить подругу, позвонила в Вятку по своему мобильнику. И вот приехала.

– Я с вами, – твердо подытожила десятиклассница.

– А экзамены? – попробовал отговорить ее Филипп. Попытка заслонить от горя.

– Ну, папочка... – Дочь потерлась щекой об отцовское плечо и объяснила, как маленькому: – К первому июня вернемся же... Ты-то не забыл на свою кафедру позвонить?

Пока Филипп узнавал насчет рейса, билетов, отменял свои лекции в университете, Марфа суматошно искала черное. Не пытаясь подумать, вспомнить: есть ли что? Как у посторонних рылась в двух гардеробах. В дочкиной комнате и в своей... Переворошила даже тюк с одеждой, приготовленной для отдачи в соседнюю церковь. Более бедным, чем они.

Без результата. Ни траурных костюмов, ни даже черных свитерков не было ни у кого. Но гамма горя – черно-белая... Решили, что серое подойдет. А на голову? И это проблема. Не готовы они к смерти...

– Бабушкин платок! – вспомнил Филипп. Года два назад спросили тещу, что ей подарить к восьмидесятилетию. Именинница попросила шелковый бело-лимонный или бело-бежевый платок. Марфа еще удивилась: зачем? Мама ведь всегда носила только шляпки... Фетровые, соломенные, вязанные, с вуалью и без... Норковую папа подарил ей на семидесятилетие... А темно-зеленый берет с тонким репсовым бантом на макушке, в котором мама сфотографирована почти в теперешних Марфиных годах, перешел к младшей дочери, когда снова стал модным. Может, и Даша еще успеет его поносить...

Так зачем платок?

«Смертное все приготовила – в сундуке лежит. А платка не хватает. Чисто-белый мне не идет, и ситцевый не годится – старухой в гробу лежать не хочу... Да не причитайте! Не собираюсь я умирать!» – вот какой ответ они получили.

Но только месяц назад удалось выполнить тещину просьбу. В конце Оксфорд-стрит Филипп наткнулся на лоточника-индуса с разноцветными шарфами и шелковыми платками.

Все готово... Такси через полчаса. Вещей мало, можно бы и на метро с маршруткой добраться до Домодедова, но силы еще как понадобятся... Филипп чуть было не отправил Марфу в магазин – только бы чем-то ее занять. За киви, камамбером и «раковыми шейками», которые так любила теща. Одумался. Все это уже, наверно, продается в Вятке – за

год, что он там не был, столько всего и в Москве изменилось... И лишь потом сообразил: не надо же теперь этих гостинцев. У Марии и ее семейства совсем другие вкусы...

Не сговариваясь, собрались на кухне.

«Паспорта проверьте...»

«Даша, возьми физику – в самолете позанимаешься...»

Реплики повисали в напряженной тишине, не подхватывались... Кошунственным казалось сейчас говорить о жизни – то есть о том, что по ту сторону бабушки... С ней вместе можно было побыть только молча...

Глава 9

Рядом с Филиппом тяжело, но совсем не угрюмо плюхнулась растрепанная Мария. Какая-то пружинка пискнула от боли, прощально выстрелив в диванную подушку. Свояченица широко раздвинула ноги, взглянула на бугорок и махнула рукой, даже не сдвинувшись в сторону: появившаяся горошина не потревожила ее пышные телеса.

– Ну, как там у вас, в Москве?

Мария заняла место, освободившееся после ухода последней тещиной подруги. Та тоже выпрашивала москвича, но гораздо прицельнее: внучка в будущем году оканчивает школу, собирается в МГУ, на экономический. Только, мол, собирает информацию, а почти земляк – по жене – сам должен догадаться и предложить помощь...

Но раз ни о чем не просят, то как вставить, что Филипп избегает участия в приемных экзаменах. Да и честные фразера вроде него там не очень-то нужны. Большинство кафедральных дают уроки абитуриентам и потом в июле с охотой приходят потеть в приемной комиссии, чтобы без проблем довести своих подопечных до поступления.

В общем, как на днях рождения после первых тостов обычно забывают об имениннике, так и на поминках скорбь долго не удерживается.

Летучее она вещество...

Если, конечно, с уходом человека не связаны никакие твои материальные потери. Тогда страдает не столько душа, сколько тело. Именно эту боль демонстрируют окружающим.

А душевная скорбь прячется не только от глаз посторонних, но и до самого человека она доходит не сразу – как свет угасшей звезды, застигает его не во время прощальных дней, а сильно после...

Когда вдруг учуешь, например, запах «Красной Москвы»... Собираясь в гости или в филармонию, мать Филиппа встряхивала флакон, ловко доставала тугую притертую пробку и дотрагивалась ею сперва до мочек отцовых ушей, потом прикладывала к своим, потом оттягивала ворот блузки и засовывала чуть согревшуюся стекляшку внутрь, в щелку между высокими грудями, которые опали только в последней ее больнице...

Пока Филипп отвечал на непрактичные вопросы любознательной свояченицы, Марфа справилась с засором в кухонной раковине и отдраила тарелки, кастрюли, сковородки с помощью уже забытого ею хозяйственного мыла: покойная сэкономила на моченных средствах – все, что больше привычных копеек, казалось ей дорого, наносило урон душе. Душе, а не кошелеку: деньги, которые дарила ей московская дочь, остались почти не тронутыми. Лишь пятьсот долларов из всей суммы теща перераспределила за год до смерти – отдала их старшей дочери на заграничную поездку. В Турцию.

Сказала, что подарок москвичей. Сама Клавдия Григорьевна ни разу за кордон и не взглянула. А так хотелось...

– Моя вина, – в своем недлинном тосте призналась Марфа, вернувшись за поминальный стол.

– Ну что ты! Не говори так! Ей бы сил не хватило на такую поездку! Зато вы меня отправили, вот уж спасибо! На всю жизнь память! – Мария привстала, потянулась бокалом к сестре, пошатнулась и снова плюхнулась. На колени к зятю. – Ой! Какой худой! Жена плохо кормит! Я тебя не раздавила своими телесами? Ну ничего, хоть меня, квашню, потрогай – жена-то худышка, подержаться не за что...

– Спасибо за комплимент... – перебила Марфа, выручая растерявшегося мужа. – Раз я не толстая, то съем пирожное, а ты бы пошла проветриться. И по дороге унеси что-нибудь со стола в холодильник... Хватит пустословия. – Строгость в ее голосе нарастала и почти перешла в сердитость. От горя, от усталости. – Не забыла – завтра мы уезжаем... – прозвучало мягко, примирительно. И даже радостно. Как будто отъезд из бывшего родного дома – спасительный свет в конце тоннеля...

– Так и есть, – призналась Марфа, когда они с Филиппом стояли в пустом коридоре купейного вагона, расплющив носы о холодное стекло.

Из стоячей законной темноты на них через равные промежутки времени налетали неяркие огни – мазнут своим светом и исчезнут... Даша уже ровно сопела на верхней пол-

ке, а им обоим не спалось.

– Когда папа умер, командные бразды подхватила мама... Я-то далеко, только голосом по телефону могла она дотянуться до меня – и то раздражало... А сестру мама поучала до последнего дня. Теперь этот микроб переселился в Марию. Я на себя со стороны посмотрела – точно такая же... Дашкой, тобой все время руковожу...

– Ничего, мне от тебя все приятно...

Бывают минуты, когда мужчины, особо не задумываясь, со всем соглашаются...

Филипп обнял Марфу за талию. Рука сама спустилась чуть ниже, на бедро, и попыталась ухватить в горсть кусок упругой плоти. Сравнение с обильными телесами свояченицы было в пользу жены. Модели Рубенса и Кустодиева хороши только на полотне, давно догадывался он.

Поезд замедлил ход, остановился. Вагон дернулся и задрожал. Котельнич. Станционные огни застучали их близость, и вдобавок в конце коридора появились новые пассажиры. Один – на незанятую верхнюю полку в их купе.

Даша повернулась на правый бок, бормотнула что-то, но не проснулась. Филипп про себя чертыхнулся: опять не удастся полежать с Марфой на узком твердом диване... Хотя бы губами убедиться, что живы... В следующий раз купим билеты в спальный вагон.

Глава 10

Голос Дубинина не встрепенулся, когда он поднял трубку и услышал Марфино «а-ал-ло». Она сбивчиво винулась за мужа – тот только что рассказал, как ее искали...

А где же ты, голубушка, тогда пропадала? – мелькнуло у Федора. Мелькнуло, но не задержалось. Пусть Филипп за ней смотрит. Муж он или не муж! Ну и бестолочь он все-таки! Взбулгачил его и исчез...

Пришлось одернуть себя за поспешность приговора, когда узнал про траурную поездку.

– Мои соболезнования, – автоматически, без выражения произнес Федор формулу простой учтивости. – Надо же, как у нас с тобой все запараллелено! И я занимался похоронами...

Не та интонация... Бодро получилось. Еще скажет, что он дубоват...

– Севка повесился... – помрачневшим голосом продолжил Федор. – Однокурсник. Мы с ним вечером расстались, а он вернулся домой и повесился. У него все решено было, продумано... Я не понял... Надо было захватить его с собой на дачу... Несколько дней за городом... солнце... он бы передумал...

И хотя слово «виноват» не было произнесено и Марфа ни в чем его не принялась переубеждать, не заохала – а все же

подавленность последних дней подтаяла.

– Мать тяжело терять, я знаю. Моя умерла уже двадцать... двадцать пять лет назад, а до сих пор вдруг раз – и боль пронзит. Подожди, я сейчас... – Федор не суетясь сходил на кухню, налил себе чаю, вернулся в кабинет, сел на диван, закинув ноги на табуретку, и снова взял трубку. – Алло, я тут.

– Знаешь, я с детства всегда считала, что всем должна. – Как это часто бывало, без преамбулы, без объяснений Марфа вслух продолжила свою теперешнюю думу. – Мама внушила, что человек всегда должен другим. Так я и жила... Без рассуждений, не задумываясь, считала, что просят – должна сделать. Даже если не меня просят, а кого-то рядом. Уступить место в метро? Вскокиваю. Или на службе: у Мурата спрашивают чей-нибудь телефон – я тут же лезу в свою записную книжку. Отказывать кому-то – нож острый.

– Я заметил, – усмехнулся Федор.

– К тебе это не относится. С тобой – все по-другому. Если я что-то могу для тебя сделать – это как подарок. Я чувствую, что мы вместе, когда выполняю твое поручение, любое. Пусть ты в это время обо мне и не думаешь...

Хм, «не думаешь»... Федор мог бы вспомнить, чем он занимался, например, в то время, как Марфа выуживала из Интернета информацию о его потенциальном клиенте, или записывала на свой диктофон пресс-конференцию, на которую он поленился пойти, или... Но зачем сталкивать лбами его абсолютно параллельные, непересекающиеся жизни...

Кому от этого польза?

– Тебе неудобно становится, когда кто-то глупости говорит или слишком подробно рассказывает всякую ерунду... Я сразу заметил, как ты стараешься поправить чужие ошибки, – пресек он ее упрек, а может быть, и намечающееся признание.

Получилось. Марфа вернулась к первой, более общей мысли – она еще не до конца исповедалась.

– А с близкими – меня и просить не надо, сама предупреждаю их желания. Так вот теперь, когда мамы нет, до меня вдруг дошло, что я никому не должна.

– Это же хорошо. Освобождение...

– Ну, пока только как идея брезжит где-то в голове. Постараюсь, чтобы она заработала в моей жизни...

То есть постарается не быть такой самоотверженной... Избирательно? Или по отношению к ней тоже? Интересно... Любопытно, получится ли у нее. И как на нее это подействует, если получится...

А скорее всего – это у нее обычная женская декларация. Сказать-то они все могут... Если баба брякнет: «Я больше никогда тебе не позвоню!» – через час жди звонка... В крайнем случае, через день...

– Ну ладно, давай прощаться, – закруглил Федор, даже забыв спросить, почему и куда она тогда пропала.

Но вместо «до свидания» – пауза. Небольшая, но глубокая, как бездна. И дрожащий голос:

– А мы повидаться не сможем?

Так и слышится, как напрягаются жилы ее гордости, чтобы попросить о свидании.

– Не получится. У меня еще в городе дела.

Сникла. Ничего не поделаешь. Хотя...

– Я послезавтра снова приеду, тогда и встретимся, – расшедрился Федор. И все же добавил, чтобы себя не сковывать:

– Если у меня ничего не изменится. Но я тебе позвоню.

А изменилось.

Простудился, да еще как... Почки заныли. Попробовал попринимать антибиотик, который помог в прошлый раз. Через неделю лучше не стало. Моча мутная... По цепочке нашли другого врача.

В общем, когда на экранчике мобильника высветился Марфин номер, Федор даже подумал, не проигнорировать ли звонок: парировать упреки не было сил... Хотя... Ей-то можно сказать, что прихворнул. Она не растрезвонит. А то ведь у нас как принято: любую болячку преувеличат и под прикрытием заботы списывают человека со счетов. Тяжело болен – значит, не справится с работой, не может якобы никуда поехать...

Пришлось только потерпеть удар от слишком строгого Марфиного «алло». И постараться повеселее рассказать про перипетии лечения. Марфа рассочувствовалась. А что еще она могла? Даже врача посоветовать не в ее силах – у здорового человека не бывает на примете хороших докторов. И

чуть не забыла известить, что его разыскивают. Предлагают жюрие. Конкурс на лучшего молодого экономиста по пяти направлениям. Дубинин – председатель.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.